

13743.

1371/2

Р. Вѣсти 1897, VIII.

мизантропическое настроеніе. Разказываютъ что президентъ Французской (второй) республики генераль Кавеньякъ, несомнѣнно одинъ изъ достойнѣйшихъ людей Франціи, возвратившись къ частной жизни послѣ побѣды надъ нимъ на выборахъ (къ несчастію Франціи и Россіи) Луи Наполеона, говорилъ что онъ во всей Франціи не могъ бы найти и десяти согражданъ которымъ бы рѣшился пожать руку съ уваженіемъ. Я не считалъ именъ тѣхъ которые у насъ показали себя поистинѣ благородными, — знаю только что во главѣ этихъ нашихъ десяти ярко выдаются почтенныя имена К. П. Побѣдоносцева и графа И. Д. Делянова не разъ расходившихся, впрочемъ, во мнѣніи съ Михаиломъ Никифоровичемъ при его жизни. А сколько министровъ и будущихъ и бывшихъ, министровъ и сановниковъ всѣхъ званій и оттѣнковъ видѣлъ въ продолженіе четверти вѣка скромный кабинетъ Страстнаго бульвара... И тяжело, и стыдно! Простите если въ горькомъ раздумьѣ о прошломъ я недостаточно бережно коснулся безутѣшнаго горя Вашего. Все великое множество истинно-русскихъ людей высказало Вамъ свои чувства при кончинѣ незабвеннаго, Европа вѣрно оцѣнила его значеніе, и съ высоты Престола чудными словами засвидѣтельствовано величіе утраты его для Россіи.

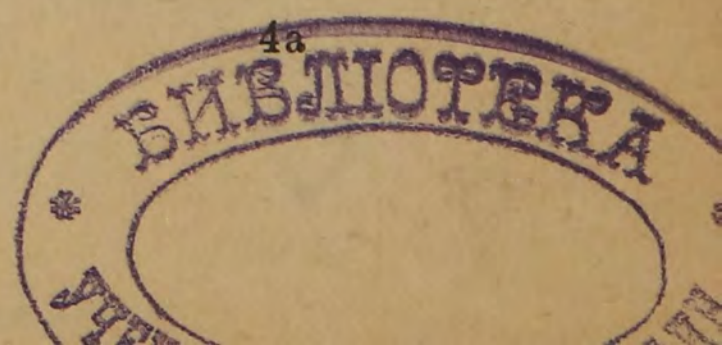
Не для земныхъ наградъ намъ указанъ Провидѣніемъ предѣленный удѣлъ, а для исполненія долга. Не для земныхъ наградъ трудится и вѣрный сынъ Россіи для ея блага и славы, а по указанію христіанской совѣсти. Памятники? На нихъ мы не щедры. Памятники, — оставившіе насъ въ нихъ не нуждаются. Нуждаются въ нихъ народы, ибо они свидѣлствуютъ о томъ что въ ихъ душѣ теплится еще великая добродѣтель — благодарность.

Ждалъ ли онъ благодарности?... Вознесемъ духомъ высоко — туда гдѣ нѣтъ печали и спросимъ тѣнь намъ дорогую, его: для блага родной Россіи готовъ ли онъ вновь начать вѣрное ей служеніе, съ тѣми же испытаніями и трудами, съ тою же злобою и клеветою враговъ, съ тою же неблагодарностію?... Сомнителенъ ли отвѣтъ? Этотъ отвѣтъ, твердый и внятный, — Вы его уже слышите... Слышу и я.

Душевно Вамъ преданный

Дугино,
декабрь 1896 г.

князь Николай Мещерскій.

ВЗМЗ

Тришмуй В.

М. Н. КАТКОВЪ

какъ государственнѣ дѣятель.

I.

По мѣрѣ того какъ съ каждымъ годомъ, по неумолимымъ законамъ времени, незабвенный образъ Михаила Никифоровича удаляется отъ насъ, все яснѣе выступаютъ основныя черты его государственнаго значенія, все ярче обрисовываются его государственныя заслуги, все опредѣленнѣе становится въ исторіи Россіи его великое государственное призваніе.

Не занимая ни раза во всей своей жизни какой-нибудь государственной должности или какого-нибудь административнаго поста, онъ тѣмъ не менѣе является въ исторіи нашего отечества *государственнымъ дѣтелемъ* въ наиболѣе возвышенномъ значеніи этого слова, и въ этомъ заключается его особенность которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ государственныхъ дѣтеляхъ всемірной исторіи. Не покидая тихаго уединенія своего редакціоннаго кабинета, онъ принялъ непосредственное участіе въ судьбахъ Россіи въ наиболѣе критическій періодъ ея исторіи XIX столѣтія и посвятилъ всѣ могучія силы своего гениальнаго ума тому чтобы критическій этотъ періодъ кончился ко благу Россіи, чтобъ она изъ него вышла не только безъ нравственнаго и матеріальнаго ущерба, но воскресшая, обновленная и окрѣпшая духомъ, готовая вступить на тотъ путь великой, небывалой доселѣ для нея славы, на который вскорѣ затѣмъ долженъ былъ призвать ее Великій Царь - Самодержецъ Александръ III.

13443.

Всѣмъ еще памятенъ этотъ критическій періодъ въ исторіи Россіи, наступившій въ концѣ 50-хъ годовъ, тотчасъ послѣ Крымской кампаніи, достигавшій дважды своего апогея—въ началѣ 60-хъ и въ концѣ 70-хъ годовъ, въ бурную эпоху польскихъ, „либеральныхъ“ и анархическихъ мятежей, и кончившійся лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, съ воцареніемъ Александра III. Если въ теченіе этого смутнаго двадцатипятилѣтія въ Россіи былъ человекъ ни разу не утратившій вѣры въ нравственное и реальное могущество Россіи, ясно видѣвшій къ чему ее обязываетъ ея честь, долгъ и призваніе и открыто ей указывавшій въ пламенныхъ, убѣжденныхъ и неотразимо убѣдительныхъ рѣчахъ тотъ путь по которому ей слѣдовало смѣло идти впередъ ко своему спасенію, — то это былъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Можно сказать съ полною увѣренностью что еслибы въ началѣ 60-хъ и въ концѣ 70-хъ годовъ его могучій голосъ не раздавался, постоянно будя совѣсть Россіи и призывая ее къ исполненію ея нравственно-историческаго долга, исторія Россіи приняла бы совершенно иной оборотъ, на радость внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ ея славы, могущества и единства, покоящихся на самодержавномъ и цѣлостномъ строѣ ея государственнаго организма. Конечно, можно думать что Россія, дойдя до извѣстнаго предѣла своего нравственнаго и политическаго униженія, рано или поздно воспрянула бы въ сознаніи своихъ ошибокъ къ новой жизни, согласной съ ея историческими преданіями, но несомнѣнно что какъ сами эти ошибки такъ и исправленіе ихъ потребовали бы тяжелыхъ жертвъ, а нѣкоторыя ошибки оказались бы въ концѣ концовъ непоправимыми. Какъ же намъ не признать государственныхъ заслугъ того человека который насъ предохранилъ не только отъ этихъ ошибокъ, ясно обнаруживъ передъ нами ихъ сущность, но и отъ всѣхъ гибельныхъ ихъ послѣдствій, предсказавъ намъ съ убѣдительною логикой то къ чему насъ эти ошибки должны были неминуемо привести?

Мы сейчасъ сказали что М. Н. Катковъ спасъ Россію и отъ такихъ ошибокъ которыя въ послѣдствіи были бы непоправимы. Такими ошибками были бы: 1) въ началѣ 60-хъ годовъ—дарованіе автономіи Польшѣ, подъ давленіемъ польскаго мятежа, коалиціи иностранныхъ державъ, русскихъ эмигрантовъ и нашей „либеральной“ партіи, и 2) въ концѣ 70-хъ годовъ—вступленіе Россіи на путь парламентаризма,

подъ давленіемъ анархическаго террора и либерально-славянофильскихъ бредней о „земскомъ соборѣ“.

Разсмотримъ въ чемъ заключались сущность и возможные послѣдствія той и другой опасности.

II.

Дарованіе автономіи Польшѣ было, очевидно, опасностію сугубой: не только внутреннею, но и внѣшнею. Россія сразу стала бы въ Европѣ въ приниженное положеніе какой-нибудь Турціи, принужденной принимать совѣты иностранныхъ державъ по вопросамъ чисто внутренняго ея устройства и такъ или иначе сообразоваться съ этими совѣтами и даже предписаніями. Этотъ прецедентъ имѣлъ бы самыя тяжкія послѣдствія, такъ какъ открывалъ бы врагамъ Россіи широкій просторъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла съ цѣлю задержать или просто прекратить могущественный ростъ Россіи и, расчленивъ ее на составныя части, уничтожить всѣ результаты ея тысячелѣтней исторіи. Легко себѣ представить, къ чему насъ привело бы такое унижительное положеніе по отношенію къ Западной Европѣ, и какое тревожное броженіе возникло бы у насъ не только на всѣхъ нашихъ окраинахъ, но и во многихъ центральныхъ областяхъ, если бы сепаратистская попытка Поляковъ увѣнчалась успѣхомъ и послужила бы примѣромъ для другихъ, подобныхъ же попытокъ!

А какъ легко было въ 1863 году впасть въ эту непоправимую ошибку! Не только общество, но и значительная часть нашего правительства была озадачена дерзостью польскаго мятежа, какъ пятнадцать лѣтъ спустя то же общество и то же правительство были озадачены дерзостью анархистскаго террора. А между тѣмъ въ томъ и другомъ случаѣ дерзость мятежниковъ вовсе не соответствовала дѣйствительнымъ ихъ силамъ и была разчитана на нашу трусость, близорукость и неувѣренность въ дѣйствительную мощь Россіи. Разчеты Поляковъ и террористовъ оказались вѣрными. „Мыслящая Россія“ не только сомнѣвалась въ своихъ силахъ, но, прислушиваясь къ завѣреніямъ господствовавшихъ въ то время „либераловъ“, была вполне увѣрена въ своемъ безсиліи. Въ

особенности въ Петербургѣ даже очень высокіе правительственные центры были убѣждены въ необходимости пожертвовать Польшей чтобы по крайней мѣрѣ сохранить Литву! Деморализація была настолько глубокая, что безсовѣстные памфлеты Герцена съ трепетомъ читались даже министрами, а изумленіе надъ „слабоуміемъ“ и „слабосиліемъ“ Россіи принадлежало къ признакамъ хорошаго столичнаго тона. Когда же возвысили свой голосъ недавніе севастопольскіе побѣдители, продиктовавшіе намъ Парижскій миръ, когда раздались полонофильскія рѣчи въ Парижскомъ Законодательномъ Корпусѣ и въ Лондонскомъ Парламентѣ и полетѣли къ намъ грозныя англо-французскія ноты, торжество враговъ Россіи казалось уже близкимъ и неминуемымъ. Еслибы Россія въ то время преклонилась предъ требованіями жандармовъ-вѣшателей и даровала Польшѣ предписанную изъ Парижа и Лондона автономію, то нашлось бы не мало представителей „мыслящей Россіи“ которые похвалили бы подобный позорный шагъ какъ мѣру вполне благоразумную, такъ какъ де эта мѣра одна была въ состояніи предотвратить грозившую намъ англо-французскую войну и повтореніе крымскаго пораженія. Такъ бы и было записано въ исторію что „Россія избѣгла новой войны исключительно только тѣмъ что даровала автономію Польшѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ Парижѣ и Лондонѣ объявленіе войны Россіи уже безповоротно было рѣшено“. Кто бы могъ впоследствии доказать что предохранить Россію отъ войны можно было и слѣдовало не путемъ малодушныхъ уступокъ, а твердымъ отклоненіемъ всякаго иноземнаго вмѣшательства и энергическимъ усмиреніемъ польскаго мятежа? Кто бы могъ доказать что въ Парижѣ и Лондонѣ никто серьезно о войнѣ не думалъ и что достаточно было бы Россіи возвысить свой голосъ чтобы Франція и Англія укротили свой гнѣвъ, предоставили Польшу на благоусмотрѣніе Россіи и впредь уже никогда не вмѣшивались въ ея внутреннія дѣла?

М. Н. Катковъ ни на минуту не усумнился въ томъ пути который слѣдовало избрать Россіи въ эту критическую минуту. Среди общаго малодушія, унынія и либеральнаго злорадства, онъ возвысилъ свой голосъ который тотчасъ же сталъ голосомъ Россіи, и начерталъ ей ясную и послѣдовательную программу дѣйствій по отношенію какъ къ ея внѣшнимъ, такъ и къ ея внутреннимъ врагамъ; и какъ только

Россія безповоротно усвоила себѣ эту программу, — тотчасъ же разсѣялся мучившій ее кошмаръ, исчезла угрожавшая ей опасность, и она самымъ простымъ, естественнымъ путемъ вышла изъ кризиса который казался столь безвыходнымъ.

Эта государственная заслуга М. Н. Каткова уже стала безспорнымъ достояніемъ нашей исторіи, и ее не могутъ отрицать или умалить ни ненависть его враговъ, ни зависть его „друзей“. Все дальнѣйшее вліяніе Михаила Никифоровича на тѣ или другіе фазисы судьбы Россіи, весь его высокій авторитетъ во всѣхъ нашихъ жизненныхъ національныхъ вопросахъ всецѣло зиждутся на его патріотическомъ подвигѣ 1863 года. Не даромъ Поляки приписываютъ именно ему всю неудачу своего мятежа, не даромъ и всѣ истинно-Русскіе люди сплотились именно вокругъ него начиная съ того же 1863 года, чуя въ немъ ясное сознаніе тѣхъ смутныхъ, невысказанныхъ чувствъ которыя таились въ ихъ душѣ.

III.

На этомъ послѣднемъ обстоятельстве необходимо подробнѣе остановиться, такъ какъ оно доселѣ еще не для всѣхъ вполне выяснено.

Чѣмъ объяснить то странное явленіе что русскимъ патріотамъ лишь смутно представлялись тѣ элементарныя государственныя истины которыя такъ изумительно ясно чувствовались и высказывались Катковымъ? Развѣ такъ трудно было понять что Россія должна руководствоваться въ своей жизни принципами православія, самодержавія и народности, и развѣ эти требованія не были высказываемы неоднократно и раньше Каткова?

Да, дѣйствительно, требованія эти были высказаны въ видѣ смутныхъ желаній и туманныхъ идеаловъ еще первыми славянофилами, и въ этомъ заключается ихъ заслуга, но заслуга чисто теоретическая. Для того чтобъ осуществить эти требованія на практикѣ они либо не давали никакихъ указаній, либо предлагали такія мѣры которыя должны были вызвать предварительное переустройство всего нашего государственнаго организма, съ удаленіемъ изъ него всего того

что въ него было привнесено, начиная съ Петра, въ теченіе всего громаднаго роста Россійской имперіи послѣднихъ двухъ столѣтій. Программа славянофиловъ требовала такой коренной ломки государственныхъ учрежденій для искусственнаго воссозданія древней московской Руси въ ея стародавней простотѣ и невозвратимой патріархальности что въ Петербургѣ относились къ этой программѣ съ величайшимъ недовѣріемъ, смѣшивая славянофиловъ въ одну кучу „неблагодѣтельныхъ людей“ вмѣстѣ съ нашими либералами-западниками, которые тоже требовали и коренной ломки Россіи, и полнаго ея переустройства, но уже съ совершенно другою цѣлью. Правда, правительство имѣло нѣкоторое основаніе относиться подозрительно къ этимъ реформаторамъ двухъ совершенно различныхъ категорій, ибо если славянофилы и слышать не хотѣли о западныхъ реформахъ либераловъ и въ особенности объ ихъ парламентскихъ затѣяхъ, то либералы, наоборотъ, очень сочувствовали коренной ломкѣ предлагавшейся славянофилами, такъ какъ они по принципу стоятъ за всякую ломку всего существующаго, въ надеждѣ чѣмъ-нибудь при этомъ поживиться и вообще нарушить прочность государственныхъ и народныхъ традицій; въ особенности же они всегда сочувствовали славянофильскимъ требованіямъ воссозданія „земскаго собора“, такъ какъ отлично понимали что этотъ „соброръ“ можно будетъ, какъ говорятъ Нѣмцы, *in einem Handumdrehen*, превратить въ самый банальный западный парламентъ, столь ненавистный самимъ славянофиламъ, вполне основательно видящимъ въ немъ верхъ вреднѣйшаго абсурда для Россіи.

Какъ бы то ни было, но славянофилы и „либералы“, расходясь между собою въ своихъ основныхъ началахъ и конечныхъ цѣляхъ, тѣмъ не менѣе сходились въ одномъ: въ необходимости упразднить современную Россію и создать изъ нея либо допетровскую Русь, либо что-нибудь западно-конституціонное, начиная съ ограниченной монархіи и кончая республиканскими соединенными штатами. Удовлетворить какъ тѣхъ, такъ и другихъ правительство могло лишь политикой опаснѣйшихъ экспериментовъ и попытокъ, имѣвшихъ цѣлю либо возвратиться въ безвозвратно исчезнувшее прошлое, либо рвануться впередъ въ погонѣ за совершенно чуждыми Россіи и по существу своему негодными государственными учрежденіями Запада. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ

случаѣ правительству предлагалось сдѣлать прыжокъ въ мрачную неизвѣстность.

Правительство отказывалось отъ подобныхъ головоломныхъ *salto mortale* и предпочитало довольствоваться синицей въ рукахъ въ видѣ *настоящаго* положенія Россіи, не гоняясь за журавлемъ въ небѣ въ видѣ ея допетровскаго *прошедшаго* и западначескаго *будущаго*.

Въ этомъ еще не было бы особой бѣды еслибы правительство, а за нимъ и все общество (а можетъ-быть и наоборотъ), не было увѣрено въ томъ что въ сущности какъ „либералы“, такъ и славянофилы совершенно правы, утверждая что *настоящее* положеніе Россіи не позволяетъ ей занимать подобающаго ей въ Европѣ мѣста, что при *настоящемъ* положеніи ей приходится краснѣть за себя передъ высококультурными государствами Запада, словомъ—что при *настоящемъ* положеніи Россія обречена всегда и во всемъ идти въ хвостѣ у Западной Европы. Гдѣ-то глубоко въ русскихъ сердцахъ таился смутный протестъ противъ этого невыносимаго позора, но это вѣрное чутье заглушалось справа славянофильскою, а слѣва либеральною проповѣдью о томъ что въ *настоящемъ* положеніи Россіи никакого спасенія нѣтъ и что Россія погибнетъ если останется при *настоящемъ* государственномъ устройствѣ. Изобрѣтенный нашими врагами эпитетъ „колоссъ на глиняныхъ ногахъ“ примѣнялся къ русскому государству не только на Западѣ, но и у насъ въ Россіи: до такой степени всѣ были увѣрены въ какомъ-то „органическомъ недугѣ“ нашего отечества, до такой степени всѣми овладѣло мрачное, пессимистическое настроеніе заставлявшее даже лучшихъ людей опускаться въ безсиліи руки и мириться съ самыми позорными для Россіи явленіями.

IV.

И вотъ является Катковъ и впервые провозглашаетъ что Россія *и въ настоящемъ своемъ положеніи* совершенно здорова, что она не нуждается ни въ славянофильскихъ, ни въ либеральныхъ переустройствахъ чтобъ идти по пути православія, самодержавія и народности, что для этого ей во-

все не нужно отказываться ни отъ драгоцѣннаго наслѣдія своихъ московскихъ царей, ни отъ великаго наслѣдія Петра, что ей не нужно обзаводиться ни совершенно немыслимыми при настоящихъ условіяхъ древнерусскими „земскими соборами“, ни бессмысленнѣйшими по своему существу западными парламентами, а что нужно ей только *вѣрять въ себя, вѣрять въ свои силы*, преобразовать не *внѣшнія* государственныя учрежденія, а лишь *внутренній* складъ духовной и нравственной жизни своего образованнаго общества и, искренно уповая на Бога, беззавѣтно повинуюсь Царю и крѣпко опираясь на русскій народъ, бодро смотрѣть въ глаза своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ.

Въ этомъ именно и заключается великая государственная заслуга Каткова: онъ увѣровалъ и заставилъ своихъ послѣдователей увѣрывать въ *настоящую, реальную* Россію, тогда какъ славянофилы и „либералы“ соглашались вѣрить только въ несуществующую въ дѣйствительности, а лишь предносившуюся ихъ воображенію совершенно утопическую Россію. Туманныя, противорѣчивыя понятія, проявлявшіяся то у одного, то у другаго славянофила, представляли какую-то хаотическую массу, въ которой трудно было разобратъся. Съ огненною яркостію, точностію и опредѣленностію засіяло на этомъ туманномъ фонѣ государственное міросозерцаніе Каткова, вылившееся въ его свѣтломъ, логическомъ точномъ умѣ въ стройное, гармоническое, несокрушимое цѣлое. Этимъ и объясняется та установившаяся за Михаиломъ Никифоровичемъ слава что онъ „всегда зналъ что въ данную минуту правительству слѣдовало дѣлать“.

Эту, дѣйствительно, свойственную великому публицисту способность близорукіе люди старались объяснить тѣмъ что онъ будто бы, *не имѣя общихъ руководящихъ идей*, обладалъ лишь какимъ-то сверхъ-естественнымъ чутьемъ быстро находиться въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ въ которыхъ другіе путались, терялись и сбивались съ толка.

Намъ уже не разъ приходилось протестовать противъ этого очевиднаго абсурда. Неужели можетъ быть сомнѣніе въ томъ что только тотъ человѣкъ и можетъ находить истинный путь въ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ который до такой степени освоился съ истинною сущностью этого истиннаго пути что можетъ найти его при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ? Неужели тотъ врачъ который всегда съ

неизмѣнною вѣрностью ставить діагнозъ при изслѣдованіи больныхъ и всегда безошибочно указываетъ свойственное болѣзни лѣченіе можетъ это дѣлать наобумъ, а не на основаніи самыхъ глубокихъ и обширныхъ теоретическихъ познаній и яснаго пониманія истинной сущности какъ вообще законовъ человѣческаго организма, такъ и основныхъ особенностей каждой болѣзни? Можно ли поэтому выводить изъ вышеуказанной замѣчательной способности Каткова къ политическому діагнозу какое-нибудь иное заключеніе кромѣ того которое единственно въ данномъ случаѣ возможно и безусловно вѣрно, а именно—что Катковъ не могъ бы тотчасъ находить выходъ изъ сложныхъ политическихъ затрудненій, еслибъ онъ не основывалъ всѣхъ своихъ сужденій на одной общей государственной идеѣ, которая настолько была вѣрна что тотчасъ оказывалась примѣнимою къ какимъ бы то ни было ненормальнымъ явленіямъ государственнаго организма?

Эту свою государственную идею М. Н. Катковъ, правда, никогда не излагалъ въ связной формѣ теоретическаго ученія русскаго государственнаго права. Но нѣтъ ничего легче какъ извлечь ее изъ его передовыхъ статей, печатавшихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, при внимательномъ ихъ чтеніи. Чтеніе это вскорѣ станетъ доступнымъ всѣмъ желающимъ, такъ какъ уже близится къ концу печатаніе полного собранія этихъ передовыхъ статей, предпринятое наследниками покойнаго публициста, и тогда всякій читающій невольно поразится глубиной и послѣдовательностью всѣхъ общихъ идей лежащихъ въ основѣ государственнаго ученія М. Н. Каткова, тогда несомнѣнно появятся труды специально посвященные этому ученію. Блестящія статьи Михаила Никифоровича которыя казались такими мѣткими по отношенію лишь къ тѣмъ специальнымъ инцидентамъ нашей государственной жизни которыми онъ были вызваны окажутся теперь—на разстояніи десяти, пятнадцати и двадцати лѣтъ—проявленіями не минутной, а вѣчной истины, такъ какъ онъ, по существу своему, столь же примѣнимы къ настоящему времени какъ и къ прошедшему, а слѣдовательно, и къ будущему.

V.

Государственное учение Каткова есть не что иное какъ основная теорія современнаго русскаго православнаго самодержавнаго государства, того реальнаго государства которое живетъ, дѣйствуетъ и развивается на нашихъ глазахъ въ силу присущихъ ему самобытныхъ, освященныхъ исторіей, принциповъ и въ силу созданной этими принципами современной основной его организаціи. Теорія современнаго Русскаго государства не выдумана *ad hoc* Катковымъ: она выведена имъ чисто логическимъ путемъ изъ исторіи Рима, Византіи, Кіевской, Московской и Петровской Руси и провѣрена на отдѣльныхъ фактическихъ явленіяхъ исключительно относящихся къ этой исторіи, въ противоположность къ явленіямъ свойственнымъ одной только исторіи Западной Европы ¹⁾.

По ученію М. Н. Каткова, идея самодержавной монархіи была во всей полнотѣ ея юридической основы первоначально выработана въ Римѣ и затѣмъ уже готовою передана въ Византію, гдѣ она была одухотворена тѣснымъ союзомъ съ Церковью Христовой. Тѣсный союзъ этотъ съ самаго начала служилъ и доселѣ служитъ драгоцѣннымъ и спасительнымъ отличіемъ самодержавія восточнаго, нынѣ русскаго, отъ западнаго абсолютизма.

Дѣло въ томъ что въ Римѣ союзъ самодержавія съ церковью продолжался не долго. Римская церковь весьма рано стала проявлять свои притязанія на чисто свѣтскую власть, совершенно чуждыя Церкви Восточной. Разрывъ между римскимъ первосвященникомъ и императоромъ былъ неизбеженъ и онъ дѣйствительно наступилъ.

И вотъ въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ мы видимъ какъ въ Византіи союзъ самодержавія съ Церковью крѣпнетъ, а когда, по различнымъ причинамъ, наступаетъ періодъ паденія Византійской имперіи, идея православнаго самодержавія передается во всей ея чистотѣ вмѣстѣ съ христіан-

¹⁾ Краткій очеркъ этой теоріи, изложенный М. Н. Катковымъ въ 1885 году въ небольшой запискѣ, былъ включенъ въ изданную Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія программу юридическаго государственнаго экзамена (въ предварительныхъ замѣчаніяхъ предшествующихъ самой программѣ).

ствомъ въ Кіевъ. Здѣсь идея эта получаетъ новую жизнь, благодаря тому что она осуществляется уже не на почвѣ одряхлѣвшаго эллинизма, а на дѣвственной почвѣ Русскаго народа, тонкимъ чутьемъ своимъ понявшаго истинную сущность православнаго самодержавія и создавшаго въ теченіе вѣковъ вмѣстѣ со своими святителями, князьями и царями то самобытное Русское государство которое, закалившись въ тяжелой борьбѣ съ восточными и западными врагами,—въ борьбѣ въ которой почти всегда одновременно отстаивались и православіе, и самодержавіе, и русская народность,—возросло нынѣ въ могущественную и несокрушимую Имперію Всероссійскую.

Что же мы видимъ на Западѣ? Первоначальный раздоръ между императоромъ и папой, самодержавіемъ и церковью доходитъ до открытой вражды, до кровавыхъ войнъ, до взаимныхъ осужденій и проклятій, вслѣдствіе чего въ глазахъ народа уменьшается значеніе какъ монархической, такъ и церковной власти, а такъ какъ во взаимной борьбѣ между собою какъ императоръ, такъ и папа стараются перетянуть народъ на свою сторону и всячески заискиваютъ у него, то народъ въ концѣ концовъ чувствуетъ все болѣе свою собственную силу и все болѣе убѣждается въ слабости какъ церкви такъ и монархіи: наступаетъ то что должно было наступить—крушеніе церкви (въ XV вѣкѣ) и, какъ неминуемое слѣдствіе, крушеніе монархіи (въ концѣ XVIII вѣка). Народъ, освободившись отъ всякой власти, вступилъ на путь который ведетъ его по тремъ роковымъ ступенямъ: къ демократизму, къ социализму, къ анархіи.

Такимъ образомъ на Западѣ первоначальное *двоевластіе* (императоръ и папа) породило собою совершенно естественно *троевластіе* (императоръ, папа и народъ), которое столь же естественно заканчивается сперва *многовластіемъ* и, наконецъ, *безвластіемъ*. На Востокѣ же первоначальное *единовластіе* царя во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ пребываетъ такимъ же *единовластіемъ* въ теченіе вѣковъ и сохраняется и доселѣ въ Русскомъ государствѣ какъ то основное спасительное начало которое сохранило насъ отъ внутреннихъ раздоровъ Запада и отъ всѣхъ ихъ тяжелыхъ разрушительныхъ послѣдствій.

Вотъ почему Россіи необходимо всего болѣе дорожить неограниченнымъ единовластіемъ своихъ царей какъ основ-

ною причиною достигнутаго ею величія и какъ вѣрнѣйшимъ залогомъ ея будущаго преуспѣянія.

Но если единоедержавіе русскихъ царей оказалось столь благотворнымъ для Россіи, то это только потому что оно и само по себѣ, и въ глазахъ всего Русскаго народа находилось въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Православною Церковью: Царь по существу своему не только долженъ быть самодержавнымъ, но и православнымъ въ высшемъ, религіозномъ значеніи этого слова. Только въ этомъ случаѣ онъ можетъ составлять одно духовное цѣлое со своимъ народомъ, органически сливаясь съ нимъ и составляя неотъемлемую часть его, какъ голова составляетъ часть человѣческаго тѣла. Этими органическими духовными узами со своимъ народомъ русскій православный самодержавный Царь отличается кореннымъ образомъ какъ отъ восточнаго тирана, такъ и отъ западнаго деспота, для которыхъ народъ является чуждымъ имъ, болѣе или менѣе пассивнымъ объектомъ для управленія и эксплуатаціи, ради личнаго ихъ благополучія, блеска и тщеславія.

Теперь становится ясно почему русскій человѣкъ обязанъ, не только въ силу своей присяги, но и въ силу глубокаго убѣжденія, видѣть въ единоедержавіи православнаго русскаго Царя единственный залогъ благополучія своей родины. Вотъ почему русскій человѣкъ долженъ былъ готовымъ жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ и всею своею жизнію на защиту ограниченнаго лишь страхомъ Божиимъ самодержавія своего Царя и охранять это самодержавіе по мѣрѣ силъ своихъ отъ всѣхъ поползновеній на его цѣлость со стороны какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ. Вотъ почему въ глазахъ русскаго человѣка врагомъ Россіи является всякій кто покушается на православіе русской Церкви и на самодержавіе русскаго Царя. Вотъ почему для русскаго человека злѣйшими врагами Россіи являются наши „либералы“, помышляющіе ограничить, а слѣдовательно уничтожить драгоцѣннѣйшій залогъ величія, единства и счастья Россіи—самодержавіе ея царей.

VI.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ государственное учене на которомъ твердо стоялъ Катковъ во всѣхъ индивидуальных вопросахъ современной ему русской государственной жизни. Съ точки зрѣнія этого ученія объясняется, какъ строго логическое послѣдствіе, вся неутомимая борьба Михаила Никифоровича съ врагами Россіи и въ особенности съ „либералами“, которые никакъ не соглашались быть причисленными къ этимъ врагамъ и объявили безпощадную войну Каткову, видя въ немъ главнаго и чуть ли не единственнаго защитника неограниченнаго самодержавія на поприщѣ русскаго печатнаго слова.

Какъ Поляки 1863 года обвиняли Каткова въ томъ что это онъ помѣшалъ имъ отторгнуть Польшу отъ Россіи, такъ и „либералы“ до сихъ поръ не могутъ простить Каткову что это онъ помѣшалъ имъ исторгнуть конституцію у полоненной ими „диктатуры сердца“.

Въ этой „помѣхѣ“ и заключается вторая великая государственная заслуга Каткова предъ Россіей.

Конецъ 70-хъ годовъ еще такъ близокъ отъ насъ что намъ нѣтъ надобности подробно описывать относящіяся къ этому времени печальныя событія которыя у всѣхъ еще находятся въ свѣжей памяти. Какъ въ 1863 году Петербургъ былъ почти готовъ пойти на капитуляцію передъ кучкой польскихъ мятежниковъ, такъ и въ концѣ 70-хъ годовъ тотъ же Петербургъ готовъ былъ капитулировать передъ ничтожною кучкой террористовъ. Какъ въ 1863 году, такъ и въ 70-хъ годахъ, за эту позорную капитуляцію поголовно стояла вся наша „либеральная“ партія со всѣми своими широко распространенными ежедневными газетами и ежемѣсячными журналами, а противъ этой капитуляціи какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ во всей русской печати стоялъ почти совершенно одиноко Катковъ со своими *Московскими Вѣдомостями* и *Русскимъ Вѣстникомъ*, бодро поднявшій непримиримую борьбу противъ всѣхъ своихъ безчисленныхъ враговъ, которые, въ силу защищавшагося имъ основнаго государственнаго принципа, являлись тѣмъ самымъ и врагами Россіи. Яростная брань, безсовѣстная клевета, дерзкія глумленія, — все сыпа-

лось со всѣхъ сторонъ и устно, и печатно на Каткова чтобы сбить его съ той позиціи которую онъ занималъ, безтрепетно стоя, какъ вкопанный, на стражѣ драгоцѣннѣйшаго палладиума Русскаго народа, на стражѣ самодержавія его царей, и мѣткими ударами своей убѣжденной рѣчи отбивая всѣ приступы направленныхъ противъ самодержавія атакъ.

Такъ же какъ въ 1863 году онъ доказывалъ что польскій мятежъ намъ страшенъ только въ томъ случаѣ если мы его будемъ бояться, точно такъ же и теперь, въ концѣ 70-хъ годовъ, онъ убѣждалъ и общество, и правительство что террористы намъ опасны не тѣми покушеніями которыя они производятъ, а тою паникой которую эти покушенія вызываютъ, что сила ихъ въ слабости правительственной власти, что достаточно лишь не бояться ихъ и спокойно принятыся за энергическое подавленіе террора въ самомъ его, въ сущности совершенно ничтожномъ, корнѣ, какъ тотчасъ же онъ прекратится, какъ тотчасъ же прекратился и польскій кошмаръ въ 1863 году, лишь только приняты были къ его прекращенію серіозныя и вполнѣ соотвѣтствующія мѣры.

То что оказалось лишь впоследствии когда эти мѣры были приняты, а именно—что организмъ Русскаго государства былъ дѣйствительно совершенно здоровъ и что польскій и террористскій инциденты были лишь незначительными наростами на этотъ организмъ, которые достаточно было прижечь чтобы совершенно и безслѣдно ихъ устранить, — все это зоркій глазъ Каткова предвидѣлъ и во всемъ этомъ пламенное его краснорѣчіе насъ убѣждало въ то самое время когда правительство и общество были ослѣплены страхомъ и полагали что Россія страдаетъ глубокимъ органическимъ недугомъ и что безъ радикальной операціи (читай: конституціи) дѣло ни въ какомъ случаѣ обойтись не можетъ. Въ этомъ совершенно искренно были увѣрены какъ „либералы“, такъ и славянофилы, соединившіеся въ это время въ одну общую партію противъ Каткова и прекратившіе на время полемику между собой дабы вмѣстѣ проливать слезы о мнимыхъ „тяжкихъ недугахъ“ Россіи, отъ которыхъ ее, будто бы, могъ спасти лишь славянофильскій „земскій соборъ“ или возникшій изъ этого собора либеральный „парламентъ“.

Славное, безсмертное царствованіе Александра III блестящимъ образомъ доказало до какой степени былъ правъ

Катковъ и какъ глубоко ошибались славянофилы и „либералы“. Для того чтобы Россія освободилась отъ ея „тяжкихъ недуговъ“ не нужно было ни „земскаго собора“, ни „парламента“, а нужна было только бодрая, глубокая вѣра въ здоровую, несокрушимую мощь современной Россіи и въ безусловно цѣлительныя силы русскаго православнаго самодержавія.

VI.

Эта бодрая, глубокая вѣра не только спасла Россію отъ грозившей ей утраты самодержавія, но и предоохранила ее отъ неизбежныхъ гибельныхъ послѣдствій этой утраты, которая была бы такою же *непоправимою* ошибкой какою была бы въ свое время дарованная Польшѣ автономія.

Подъ какимъ бы названіемъ ни было учреждено то „народное представительство“ котораго одинаково добивались въ то время какъ славянофилы такъ и „либералы“ (первые— для того чтобы Царь выслушивалъ „желанія“ народа, а вторыя—чтобъ Онъ выслушивалъ народную „волю“), какими бы гарантіями первоначально ни была окружена та жалкая фикція въ которую превратилось бы царское самодержавіе,—судьба Россіи была бы заранѣе предначертана, такъ же какъ предначертана судьба западныхъ конституціонныхъ государствъ. Если „либералы“ такъ легко соглашались на учрежденіе славянофильскаго „земскаго собора“, то это только потому что они очень хорошо понимали что между „желаніями“ и „волей“ народа такое тонкое синонимическое различіе что на практикѣ оно совершенно бы исчезло. Славянофилы предоставляли Царю, выслушавъ „желанія“ народа, дѣйствовать затѣмъ по своему усмотрѣнію, хотя бы и въ противность этимъ „желаніямъ“. „Либералы“ тотчасъ же воспользовались бы первымъ же подобнымъ случаемъ чтобы провозгласить на всѣхъ перекресткахъ что Царь дѣйствуетъ наперекоръ „желанію“, наперекоръ „волѣ“ народа и что, слѣдовательно, необходимо прекратить подобное ненормальное явленіе и найти средства къ тому чтобы *заставить* Царя уважать народную волю. Какое широкое поприще для дема-

гогической кампаніи! И все пошло бы затѣмъ какъ по писанному, по давно выбитымъ на Западѣ шаблонамъ! Сперва депутаты выбранные по очень высокому цензу, затѣмъ постепенное пониженіе этого ценза путемъ ожесточенныхъ выборныхъ и парламентскихъ кампаній и, наконецъ, установленіе всеобщаго выборнаго права, того абсолютнаго *suffrage universel*, при одной мечтѣ о которомъ наши либералы и теперь еще *tombent en râmoison*. А рядомъ съ этимъ, путемъ тѣхъ же кампаній, преній, конфликтовъ, кризисовъ, коалицій, компромиссовъ и прочаго арсенала парламентаризма—постепенное, все болѣе и болѣе тѣсное ограниченіе царской власти до полнаго ея упраздненія. Мы уже не говоримъ о той національной борьбѣ, поприщемъ которой у насъ сталъ бы не только „парламентъ“, но даже и самый строго-славянофильскій „земскій соборъ“, и которая превратила бы единую Россію въ такое же жалкое калейдоскопное государство каковымъ является, на примѣръ, трещащая по швамъ Австро-Венгерія!

Но самымъ опаснымъ нововведеніемъ котораго добивались славянофилы и либералы, при всей противоположности ихъ политическаго *credo*, было признаніе самого принципа „все-народнаго представительства.“

VIII.

По этому поводу мы живо помнимъ свою бесѣду съ М. Н. Катковымъ, происходившую въ 1884 году, во время одной изъ прогулокъ по его Знаменскому парку. Общій смыслъ и даже ходъ разсужденій Михаила Никифоровича, записанные нами въ тотъ же вечеръ, глубоко врѣзались въ нашу память, и мы постараемся передать его рѣчь, хотя, къ сожалѣнію, и не въ дословной формѣ. Вотъ что, приблизительно, онъ намъ говорилъ сперва спокойно, а затѣмъ все болѣе воодушевляясь:

„Народное представительство не потому опасно что оно можетъ вызвать конфликтъ между Царемъ и народною волей, а потому что оно есть само по себѣ величайшая ложь и абсурдъ,—ложь и абсурдъ съ начала до конца. Мы говоримъ о „народной волѣ“, о „народной совѣсти“, о „народномъ

умѣ“ не какъ о реальныхъ предметахъ, а какъ о метафизическихъ понятіяхъ; даровитый человѣкъ можетъ ихъ чують, угадывать, сообразно со своимъ индивидуальнымъ дарованіемъ, то въ большей, то въ меньшей степени, то болѣе съ одной, то болѣе съ другой стороны, но механически, математически нельзя опредѣлить ни „совѣсти“, ни „ума“, ни „воли“ какого-либо народа. Даже въ небольшихъ демократическихъ республикахъ состоящихъ изъ одной какой-либо городской общины, въ которой голосуютъ поголовно всѣ граждане, „воля народа“ въ абсолютной чистотѣ опредѣлиться не можетъ, такъ какъ къ народу несомнѣнно принадлежатъ не только лица не имѣющія почему-либо права голоса (женщины, дѣти, отсутствующіе и всякаго рода „неполноправные“ граждане), но и граждане оставшіеся при голосованіи въ меньшинствѣ, „воля“ которыхъ, поэтому, игнорируется, хотя они несомнѣнно составляютъ болѣе или менѣе значительную часть народа; да, наконецъ, и „воля“ одержавшаго верхъ большинства въ сущности является волею не народа, а того или другаго оратора подчинившаго своей волѣ большинство слушателей, а вовсе не подчинившаго себя народной волѣ. А если на другой день другой ораторъ убѣдитъ то же самое или иное большинство отмѣнить вчерашнее рѣшеніе, то какова же будетъ по данному вопросу „народная воля“? Не ясно ли что „народная воля“, если она существуетъ, неуловима и опредѣлить ее даже и съ приблизительною точностью невозможно, въ особенности по отношенію къ какимъ-либо спеціальнымъ законодательнымъ вопросамъ. Можно *a priori* безо всякихъ голосованій и безошибочно сказать что народъ желаетъ быть свободнымъ, народъ желаетъ жить спокойно, народъ желаетъ за наименьшій трудъ получать наибольшую выгоду, народъ желаетъ платить какъ можно меньше податей, народъ желаетъ правосудія, — можно перечислить еще нѣсколько подобныхъ же безспорныхъ трюизмовъ, основанныхъ на элементарномъ знаніи не народнаго, а вообще человѣческаго характера. Но далѣе этихъ трюизмовъ народная воля даже въ микроскопическихъ демократіяхъ идти не можетъ, а если въ нихъ и говорятъ о таковой, то разумѣютъ подъ ней волю нѣсколькихъ лицъ, случайно составившихъ большинство по какому-либо вопросу или даже волю одного лица, подчинившаго себѣ тѣмъ или другимъ (иногда даже очень неблаговиднымъ) способомъ это большинство.

Итакъ „народная воля“ есть фикція даже при поголовномъ голосованіи всѣхъ гражданъ даннаго государства. Но она становится уже совершеннѣйшимъ абсурдомъ при „народномъ представительствѣ“. Тутъ уже вступаетъ въ свои права явная, безстыдная ложь во всей своей наготѣ: *ложь* при выборной кампаніи (лживыя обѣщанія кандидатовъ, грубые софизмы ихъ рѣчей, клевета на соперниковъ, подкупы избирателей), *ложь* при выборахъ (всевозможныя манипуляціи съ избирательными записками, полное игнорированіе меньшинства), *ложь* депутатовъ въ парламентѣ (говорящихъ „отъ имени“ не только *всего* своего округа, но даже и *всего* народа и заботящихся не объ интересахъ государства, какъ они это на каждомъ шагу заявляютъ, а лишь о своихъ собственныхъ или объ узкихъ интересахъ своей партіи), *ложь* во всѣхъ ихъ рѣшеніяхъ (такъ какъ и здѣсь игнорируется меньшинство, а между тѣмъ рѣшенія считаются выраженіемъ „народной воли“!) и, наконецъ, *ложь* во всѣхъ функціяхъ государственнаго организма, такъ какъ всѣ воображаютъ что въ государствѣ всѣмъ управляетъ „воля народа“, который между тѣмъ и понятія не имѣетъ объ этомъ управленіи! Итакъ всюду ложь, съ начала до конца, ложь безысходная, ложь сугубая, ложь безпрестанно порождающая новыя формы лжи до безконечности. Нужно хорошенько понять и проникнуться убѣжденіемъ что выборное представительство народной воли есть само по себѣ, по самому существу своему, величайшій и вреднѣйшій абсурдъ, ибо тамъ гдѣ есть выборы, тамъ дѣло рѣшается не по разуму и истинѣ, а по „большинству голосовъ“; а такъ какъ разумныхъ людей умѣющихъ всегда отличить истину отъ лжи, вообще, гораздо меньше чѣмъ людей не обладающихъ этимъ рѣдкимъ свойствомъ, то легко понять чего стоить дѣла рѣшенныя „по большинству голосовъ“. Совершенно иное дѣло если *спеціальныя* вопросы рѣшаются нѣсколькими *спеціалистами* выбранными *ad hoc* изъ большаго числа такихъ же *спеціалистовъ*. Могутъ быть представители какой-нибудь опредѣленной науки, какого-нибудь техническаго производства, которые будутъ говорить не „отъ имени“ науки и не въ качествѣ выразителей „воли“ какой-либо промышленности, а отъ своего собственнаго имени въ качествѣ спеціальныхъ знатоковъ даннаго спеціальнаго вопроса, избранныхъ такими же знатоками. *Такіе* „представители“ понятны; а „представители народной воли“ могутъ

быть только выразителями продукта безсовѣстнаго шарлатанства и непроходимой наивности. Боже насъ сохрани когда-либо ввести въ Россіи народное представительство! Это будетъ истиннымъ несчастіемъ Россіи, это у насъ будетъ началомъ торжества лжи, это будетъ началомъ конца нашей исторіи...“

IX.

Такъ говорилъ въ 1884 году Катковъ въ ясномъ сознаніи что Россіи уже не грозитъ введеніе „народнаго представительства“, которое еще казалось столь близкимъ и возможнымъ въ смутное время конца 70-тыхъ годовъ. Въ 1881 году Россія обогнула тотъ опасный мысъ о который она могла разбиться и потерпѣть крушеніе, а въ 1884 году передъ ней уже разстилался широкій „царскій“ путь по которому ее совершенно безопасно велъ геній Александра III.

Въ настоящее время опасность еще болѣе отдалилась отъ Россіи.

Царствованіе Царя-Самодержца ясно доказало что для своего счастья и величія Россія ни въ какомъ „народномъ представительствѣ“ не нуждается, а потому и въ правительствѣ, и въ благоразумной части общества никто объ этомъ представительствѣ теперь и не думаетъ.

Съ другой стороны народное представительство съ каждымъ годомъ теряетъ свой престижъ и на Западѣ. Какъ разъ съ 80-тыхъ годовъ, когда парламентаризмъ дошелъ до своего апогея во Франціи, началось и его паденіе какъ въ самой Франціи, такъ и въ Австріи, Германіи, Итали и даже въ самой Англии. Успѣхи западнаго парламентаризма уже не могутъ прельщать добродушныхъ Россіянь, по той простой причинѣ что вмѣсто успѣховъ западный парламентаризмъ порождаетъ одни только скандалы.

Но въ концѣ 70-тыхъ годовъ опасность для насъ была еще очень велика, и еслибъ мы тогда попали въ обще-европейскій фарватеръ, мы бы изъ него не выбрались, аплыли въ хвостѣ Европы, рабски повторяя за нею всѣ ея парламентскія перипетіи, пока мы вмѣстѣ съ нею не испили бы до послѣдней капли всю горькую чашу конституціонныхъ разочарованій.

Теперь, когда Европа дойдетъ до этой послѣдней капли, ей будетъ куда обернуться для своего спасенія, такъ какъ предъ нею будетъ во всемъ блескѣ возвышаться спокойная, величавая самодержавная Россія, чуждая изъѣвшей Европу политической лжи; а еслибы мы послѣдовали по стопамъ Европы и вмѣстѣ съ нею пали бы до социалистическаго и анархическаго позора, гдѣ бы мы тогда съ нею искали спасенія?

Если мы благополучно вышли изъ этого тяжкаго кризиса, если мы не дали увлечь себя въ западно-европейскій водоворотъ, то мы конечно этимъ обязаны прежде всего Александру III. Но можемъ ли мы забыть что М. Н. Катковъ еще гораздо раньше, еще до ужаснаго событія 1 марта, до эпохи террора, когда парламентаризмъ еще представлялся на Западѣ въ идиллическомъ свѣтѣ, одинъ противъ всѣхъ выступилъ смѣлымъ борцомъ за русское самодержавіе и обличалъ парламентаризмъ въ тѣхъ его коренныхъ грѣхахъ которые лишь впоследствии для всѣхъ стали вполне очевидными. Его горячая, убѣжденная проповѣдь многимъ своевременно открыла глаза, многихъ спасла отъ увлеченій, у многихъ пробудила вѣру въ самодержавную Россію и этимъ предотвратила отъ насъ казавшуюся уже столь неминуемою грозную опасность.

Мы сказали сейчасъ что М. Н. Катковъ одинъ противъ всѣхъ выступилъ борцомъ за русское самодержавіе. Въ этомъ нѣтъ преувеличенія; для того чтобы наши слова не подверглись ложнымъ толкованіямъ, необходимо пояснить ихъ съ большею точностью.

Если мы, приверженцы Каткова, иногда сѣтуемъ на то что столь простая, столь ясная идея русскаго самодержавія, въ томъ видѣ какъ ее опредѣлилъ Катковъ, такъ мало сознавалась не только нашимъ обществомъ, но и самимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего и въ Петербургѣ такъ часто противъ нея грѣшили, а въ русской печати даже проповѣдывалась совершенно другая, враждебная самодержавію, идея; если мы иногда сѣтуемъ на то что и теперь у насъ и въ правительствѣ, и въ обществѣ встрѣчаются самыя смутныя и противорѣчивыя теоріи русскаго самодержавія, — то мы въ своихъ сѣтованіяхъ не совсѣмъ справедливы. Чтобъ убѣдиться въ этомъ достаточно прослѣдить исторію истинной идеи православнаго самодержавія въ теченіе вѣковъ, — отъ Рима до Москвы и Петербурга.

X.

Юридическая основа этой идеи, какъ мы уже видѣли, была выработана въ полномъ совершенствѣ въ Римѣ. Весь республиканскій періодъ Римской исторіи былъ посвященъ тому чтобы въ отдѣльности вырабатывать до полного совершенства всѣ спеціальныя органы государственной власти, которые затѣмъ соединились въ рукахъ императора въ одно гармоническое цѣлое.

Но этому матеріальному цѣлому не доставало живительнаго духа, не доставало христіанства. Лишь въ Византіи римское *самодержавіе* стало *самодержавіемъ православнымъ* и достигло полного юридически-церковнаго совершенства.

Выработанной въ Византіи идеѣ православнаго самодержавія не доставало, однако, еще подходящей *народной* почвы для полного ея практическаго осуществленія. Почва эта дана была ей въ Россіи. Изъ кабинетовъ византійскихъ юристовъ и богослововъ идея православнаго самодержавія перешла въ сердца Русскаго народа и, просвѣтивъ эти золотыя сердца, сама получила въ нихъ недостававшее ей глубокое этическое просвѣтленіе. Русскій народъ тонкимъ чутьемъ своимъ понялъ то до чего византійскіе юристы и богословы дошли путемъ глубокихъ научныхъ трудовъ и то что византійскіе императоры и патріархи осуществляли въ своей высшей государственной и церковной дѣятельности.

Но Русскій народъ во всей своей совокупности, отъ Царя до крестьянина, отъ патріарха до скромнаго инока, такъ глубоко усвоилъ себѣ чутьемъ и сердцемъ самую сущность идеи православнаго самодержавія что научная система ея, въ началѣ недоступная его простому уму, въ послѣдствіи стала для него излишнею. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ мы не видимъ ученыхъ знатоковъ государственнаго права которые опредѣляли бы права и обязанности Царя и народа, такъ какъ эти права и обязанности не только въ достаточной мѣрѣ были опредѣлены Церковью, но и сами собой опредѣлялись въ сердцахъ и православнаго Русскаго Царя и православнаго Русскаго народа. Были, конечно, какъ и вездѣ, исключенія, но, говоря вообще, можно прямо сказать что русская исторія была безсознательною, живою

иллюстраціей отвлеченныхъ теорій римско-византійскаго государственнаго права.

Такимъ образомъ римское самодержавіе, византійское православіе и русская народность соединились въ одно гармоническое, неразрывное цѣлое, но совершилось это не сознательнымъ, а стихійнымъ, инстинктивнымъ путемъ, такъ что когда вмѣстѣ съ Петромъ къ намъ въ Россію ворвались готовыя западныя государственныя системы и теоріи, мы имъ не могли противопоставить нашей русской государственной идеи въ видѣ такой же готовой системы или теоріи.

Западныя государственныя системы происходили первоначально изъ той же идеи выработаннаго въ Римѣ самодержавія, но какъ мы видѣли, западное самодержавіе почти съ самаго начала развивалось не въ тѣсномъ единствѣ съ церковью, а въ открытой съ нею враждѣ, а потому ему не доставало именно того чѣмъ отличалось византійское самодержавіе—глубокой религіозной, истинно христіанской основы. Кромѣ того западныя системы носили въ себѣ также уже и зародыши того противоположенія монарха народу которое совершенно чуждо русской государственной идеѣ, зародыши будущаго открытаго возмущенія народа противъ монархической власти.

Но какъ бы всѣ эти западныя государственныя идеи ни были чужды русскому *сердцу*, онѣ имѣли громадное преимущество передъ русской государственной идеей для русскаго *ума*: онѣ были облечены въ стройную цѣльную діалектическую форму, а русская государственная идея, мирно и плодотворно просуществовавшая цѣлые вѣка и создавшая общими трудами православныхъ князей, царей и народа всю Россію — не была выражена въ готовой научной формѣ, такъ что получалось впечатлѣніе *будто ея совстьмъ и нтъ*.

И вотъ проходитъ у насъ весь XVIII вѣкъ въ какомъ-то смутномъ отношеніи и къ Европѣ, и къ Россіи. Мы знаемъ что намъ нужно многому учиться у Европы, въ особенности тому чего у насъ въ Россіи нѣтъ. А въ Россіи, какъ намъ кажется, у насъ ничего нѣтъ: ни наукъ, ни искусствъ, ни торговли, ни промышленности, ни государственной идеи. Всѣмъ этимъ нужно заимствоваться у Европы. У насъ есть, правда, самодержавіе и православіе, но мы не знаемъ, хорошо ли что они у насъ есть; мы сохраняемъ ихъ такъ, по инерціи, до пріисканія чего-нибудь лучшаго, патентованнаго

на Западѣ, когда на Западѣ улягутся начавшіяся религіозныя и государственныя броженія и окончательно выяснится какое именно правленіе лучше нашего самодержавія, и какое исповѣданіе лучше православія; если же окажется что никакого исповѣданія не нужно, то мы и этотъ результатъ признаемъ абсолютной истиной. Такимъ образомъ въ сознаниі нашихъ образованныхъ классовъ самодержавіе совершенно отдѣлилось отъ православія, а тѣсная, неразрывная, живая связь ихъ сохранилась лишь въ чистомъ сознаниі простаго Русскаго народа, къ которому мы однако за разъясненіемъ не обращались, очень хорошо зная что онъ намъ *систематически* ровно ничего не разъяснить; а потому мы готовы были приписать народную беззавѣтную преданность самодержавному Царю народному „невѣжеству и варварству“.

Наступаетъ конецъ XVIII вѣка, рушится на Западѣ монархія и вмѣстѣ съ XIX вѣкомъ занимается заря парламентаризма: идеальная форма правленія найдена, очевидно, и для Россіи, и наша западническая партія, ставшая партией „либеральной“, получила опредѣленную цѣль: замѣнить самодержавіе конституціей на томъ простомъ основаніи что и на Западѣ самодержавіе было замѣнено конституціей. О коренномъ же различіи между русскимъ и западнымъ самодержавіемъ она ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Разъ не было *теоріи* русскаго самодержавія, для нашихъ „либераловъ“ не существовало и самого русскаго самодержавія какъ самобытнаго принципа.

Являются первые славянофилы и даютъ намъ каждый по отдѣльной части этой теоріи въ зачаточномъ, неясномъ еще ея видѣ. Они констатировали что многое въ современной Россіи противорѣчитъ этой теоріи—и только. Исходя изъ того совершенно вѣрнаго разсужденія что идея православнаго самодержавія во всей своей чистотѣ осуществлялась лишь до Петра, они предлагали нѣчто невозможное: вычеркнуть изъ русской исторіи и Петра, и весь петербургскій періодъ и вернуться назадъ къ московскому періоду. Противъ этого, конечно, возставали наши „либералы“, которые попрежнему настаивали на своихъ западныхъ идеалахъ и принимали изъ программы славянофиловъ одинъ ихъ древномосковскій земскій соборъ въ надеждѣ тотчасъ превратить его въ новоевропейскій парламентъ.

Такимъ образомъ Россія въ сущности продолжала стоять

на распутии между своимъ прошлымъ и европейскимъ будущимъ, имѣя однако смутное желаніе не разставаться съ настоящимъ. Разница была только въ томъ что она могла уже смутно видѣть и отчасти понимать свое прошлое какъ нѣкоторое гармоническое, государственное цѣлое, но не знала какъ это гармоническое цѣлое примѣнить на практикѣ къ реальнымъ нуждамъ текущей жизни.

Эту, повидимому неразрѣшимую, задачу рѣшилъ одинъ Катковъ. Онъ одинъ, въ противоположность славянофиламъ, оцѣнилъ по достоинству великое дѣло Петра и Екатерины съ точки зрѣнія русской государственной идеи, онъ одинъ, въ противоположность какъ западникамъ, такъ и славянофиламъ, отнесся къ Западу не съ огульнымъ восхваленіемъ или порицаніемъ, а со строгимъ критическимъ разборомъ, и указалъ все то что мы обязаны заимствовать у Запада и все то въ чемъ мы не должны подражать ему.

Вотъ почему мы имѣемъ право сказать что М. Н. Катковъ въ сущности одинъ выступилъ въ нашей печати убѣжденнымъ борцомъ за русское самодержавіе, такъ какъ онъ отстаивалъ его не только теоретически, но на почвѣ реальной государственной жизни, на практикѣ ежедневно возникавшихъ новыхъ государственныхъ вопросовъ. Отсюда сложилась и слава Каткова, о которой мы говорили выше, что „онъ въ каждую данную минуту зналъ что нужно дѣлать“. Практическое, непосредственное примѣненіе ясно сознанной имъ русской государственной идеи—вотъ въ чемъ была его великая сила.

XI.

Катковъ былъ силенъ еще тѣмъ что онъ, будучи совершенно одинокъ среди русскихъ политическихъ дѣятелей, не связанъ былъ ни партійными, ни узко-правительственными интересами, ни, наконецъ, какими бы то ни было доктринами какъ либеральными, такъ и консервативными. Всякое доктринерство было ему по существу своему ненавистно какъ въ началѣ его дѣятельности, такъ вплоть до ея конца.

Въ этомъ отношеніи особенно знаменательна для него его статья напечатанная еще въ 1862 году въ февральской

книжкѣ *Русскаго Вѣстника* подѣ заглавіемъ: „Къ какой принадлежимъ мы партіи“.

Въ этой статьѣ М. Н. Катковъ доказываетъ что онъ не можетъ и не желаетъ причислить себя „ни къ *присяжнымъ* консерваторамъ, ни къ *присяжнымъ* либераламъ“. Онъ заявляетъ что, „не будучи ни *формальнымъ* консерваторомъ, ни *формальнымъ* прогрессистомъ“, онъ желаетъ „быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстномъ смыслѣ“. И затѣмъ Михаилъ Никифоровичъ опредѣляетъ истинное назначеніе какъ консерватизма, такъ и либерализма въ такихъ яркихъ, убѣдительныхъ словахъ что мы не можемъ удержаться отъ дословной перепечатки всей относящейся къ этому вопросу части его статьи, которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія что она, написанная въ началѣ 1862 года, слѣдовательно *болѣе тридцати пяти лѣтъ тому назадъ*, сохраняетъ и донинѣ характеръ какъ бы современной намъ статьи. Пусть собственныя слова Михаила Никифоровича служатъ лучшимъ, нагляднымъ доказательствомъ той истины что онъ писалъ не для одного дня какъ иные думаютъ, а для всѣхъ временъ, для вѣчности.

„Въ чемъ состоитъ истинное назначеніе охранительнаго начала? Въ чемъ заключается сущность и цѣль прогресса? У насъ эти вопросы давно уже рѣшены; тѣмъ не менѣе посмотримъ въ чемъ состоитъ сущность того и другаго вопроса.“

„Истинно прогрессивное направленіе должно быть въ сущности консервативнымъ, если только оно понимаетъ свое назначеніе и дѣйствительно стремится къ своей цѣли. Чѣмъ глубже преобразование, чѣмъ рѣшительнѣе движеніе, тѣмъ крѣпче должно держаться общество тѣхъ началъ на которыхъ оно основано и безъ которыхъ прогрессъ обратится въ воздушную игру тѣней. Все что будетъ клониться къ искорененію какого-нибудь существеннаго элемента жизни должно быть противно прогрессивному направленію, если только оно понимаетъ себя. Всякое улучшеніе происходитъ на основаніи существующаго; этому учитъ насъ природа во всѣхъ своихъ явленіяхъ и формаціяхъ. Тотъ же законъ господствуетъ и въ исторіи: всякое преобразование, всякое усовершенствованіе можетъ происходить только на основаніи существующаго, съ сохраненіемъ всѣхъ его силъ, всѣхъ его зиждательныхъ элементовъ. Общественное устройство

не можетъ по произволу отказываться отъ того или другаго начала которое требуется его нормой. Какъ во всякомъ развитіи природы, такъ и во всякомъ историческомъ развитіи есть извѣстная сумма элементовъ изъ которыхъ оно слагается, такъ что при отсутствіи того или другаго изъ нихъ оно вовсе невозможно, или невозможно въ своемъ нормальномъ видѣ. Исключить какія-либо существенныя начала изъ даннаго развитія значитъ измѣнить сущность вещей, перепрыгнуть, какъ говорится въ логикѣ, изъ одного рода въ другой, значитъ—имѣть въ виду что-нибудь другое, а не то о чемъ идетъ рѣчь. Исключить изъ общественнаго развитія какое-нибудь начало которое служитъ однимъ изъ необходимыхъ условій человѣческаго общества значитъ обезсилить общество, изуродовать его, подвергнуть его болѣзнямъ тяжелымъ и опаснымъ отъ которыхъ придется лѣчиться. Часто такія катастрофы бываютъ неизбежны. Слишкомъ часто случаются онѣ въ исторіи народовъ, но надобно знать что онѣ случаются вовсе не въ интересъ прогресса, а вопреки его видамъ. Жизнь пользуется всѣмъ; она пользуется и разрушеніемъ, и смертью, но разрушеніе и смерть не можетъ быть цѣлью жизни,—не того она хочетъ. Общественное развитіе можетъ изъ всякаго паденія подниматься съ новыми силами; но паденія не могутъ быть его цѣлю, оно не можетъ сознательно приготавливать ихъ подъ видомъ прогресса. Интересъ прогресса состоитъ не въ томъ чтобы изгнать изъ общества то или другое начало: изгнанное въ дверь, оно воротится въ окно; напротивъ, задача состоитъ въ томъ чтобы каждому началу безъ котораго не можетъ обойтись нормальное развитіе общества дать соответственное положеніе и силу, отвести его въ должныя предѣлы. Зло и вредъ заключаются не въ томъ или другомъ элементѣ, а въ неправильномъ положеніи которое онъ занимаетъ; надобно измѣнить его положеніе, поставить его въ другія отношенія—и онъ получитъ совершенно новый характеръ. Въ этомъ и состоитъ вся цѣль прогресса,—прогресса не отвлеченно взятаго и неизвѣстно чтò означающаго, но прогресса въ чемъ-нибудь дѣйствительно существующемъ, въ томъ или другомъ народѣ, въ томъ или другомъ обществѣ. Напрасно мы будемъ думать что, подвергнувъ остракизму какое-нибудь общественное начало неправильно дѣйствующее, мы освободимъ отъ него общество. Оно не исчезнетъ, оно не

уничтожится: исчезнетъ только доля добра, а ядъ останется; оно явится въ другомъ видѣ, подъ другимъ именемъ. Потерявъ одно изъ существенныхъ условій своего развитія, общество получитъ его обратно, но какъ начало ему чуждое и враждебное, которое до тѣхъ поръ будетъ его язвой и задержкой на всѣхъ путяхъ, пока не будетъ признано, не будетъ замирено и не найдетъ себѣ надлежащаго мѣста. Возьмемъ примѣръ. Часто государство находится въ неправильномъ отношеніи къ жизни; централизація и вмѣшательство стѣсняющія и убивающія жизнь вызываютъ справедливыя жалобы и реакцію, и нерѣдко возникаетъ вопросъ не есть ли государство, со всѣми своими принадлежностями и отправлениями, только помѣха для общественной жизни? И не въ томъ ли долженъ состоять прогрессъ чтобъ общество, наконецъ, освободилось отъ государства? Жалкое заблужденіе! Лишь только мы представимъ себѣ что государственное начало будетъ исключено, лишь только мы вообразимъ себѣ что самостоятельная и отдѣльная организація государственныхъ властей исчезнетъ, — какъ въ тотъ же самый мигъ общество, повидимому, освобожденное отъ государства утратитъ, напротивъ, значеніе свободнаго общества и во всемъ составѣ своемъ превратится въ то самое начало отъ котораго думало освободиться: оно само будетъ государствомъ, и государствомъ тѣмъ худшимъ что государство будетъ въ немъ все во всемъ, не давая ничему свободнаго существованія и на все налагая свою печать. Что это есть не только теоретическое соображеніе, что дѣйствительно такъ бываетъ, въ томъ удостовѣряетъ насъ исторія многими примѣрами. Возьмите древнія республики, возьмите Соединенные Штаты. Если нѣтъ самостоятельной организаціи государственнаго начала, все общество принимаетъ болѣе или менѣе его характеръ; если не будетъ опредѣленной государственной функціи, то вся общественная жизнь по необходимости превратится въ функцію; если не будетъ правильнаго суда и расправы, то явится законъ Линча. Вырвите съ корнемъ монархическое начало, — оно возвратится въ деспотизмъ диктатуры; уничтожьте естественный аристократическій элементъ въ обществѣ, — мѣсто его не останется пусто: оно будетъ занято или бюрократами, или демагогами, олигархіей самаго дурнаго свойства. Негодую и жалуясь на злоупотребленія и излишества централизаціи, попробуйте коснуться самаго на-

чала, уничтожьте централизацию не въ ея злоупотребленіяхъ, а въ самомъ ея корнѣ, — вы убьете цѣлую національность, вы разрушите трудъ вѣковъ, подорвете основу дальнѣйшаго развитія, но зла не уничтожите, напротивъ, еще усилите: вмѣсто одного органическаго центра явятся нѣсколько фальшивыхъ, нѣсколько мелкихъ деспотій, гдѣ еще ревнивѣе и придирчивѣе разовьется духъ вмѣшательства и опеки и гдѣ для личной свободы будетъ еще менѣе благопріятныхъ условій. Что такое рабство во всѣхъ видахъ личнаго, семейнаго и общиннаго деспотизма? Не есть ли это тотъ же принципъ власти только въ своемъ грубомъ видѣ, не есть ли это то же государственное начало только въ дикомъ состояніи? Исторія, полагая общій центръ народной жизни, собираетъ мало-помалу всѣ элементы власти, изо всѣхъ закоулковъ въ которыхъ она вѣдряется, дико разливаясь по всему простору народной жизни. Сосредоточивая власть въ одинъ общій для цѣлой страны органъ, образуя правильное государство, историческое развитіе даетъ возможность человѣку существовать по-человѣчески. По мѣрѣ развитія правильнаго и благоустроеннаго государства развивается и укрѣпляется въ своихъ основахъ свободное общество, и государственное начало, преобразуясь согласно своему истинному назначенію, опредѣляя все яснѣе свойственную ему функцію, становится источникомъ великихъ благодѣяній, крѣпкою основой свободы и соединяется съ нею въ общемъ интересѣ. Даже принципъ неволи, убивавшій человѣка или ставившій его въ неестественное положеніе, не исчезаетъ, не уничтожается. Исчезаетъ только его противоестественное, грубое, дикое дѣйствіе. Исчезаетъ невольничество, но въ образованномъ обществѣ каждый человѣкъ жертвуетъ частію своей воли. Исчезаетъ рабство которое убиваетъ одного человѣка и уродуетъ другаго, но возникаютъ взаимныя обязательства, связывающія людей во всякомъ благоустроенномъ общежитіи. Чѣмъ глубже и шире развивается общественная свобода, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе становятся обязанности людей другъ передъ другомъ и передъ цѣлымъ обществомъ, и тѣмъ охотнѣе люди подчиняются принципу *неволи* въ высшемъ, благородномъ, священномъ значеніи долга.

„Что можетъ быть предметомъ сознательнаго и разумнаго храненія? Никакъ не отживающія формы которыя рушатся сами собою. Истиннымъ предметомъ храненія должны быть

не формы, а начала которыя въ нихъ живутъ и даютъ имъ смыслъ. Всякая опасность которой подвергается какое-либо начало, живущее въ обществѣ, вызываетъ въ чуткой средѣ проявленіе охранительныхъ силъ. Интересъ охранительный состоитъ не въ томъ чтобы помѣшать дальнѣйшему развитію начала которое ему дорого, но чтобъ обезпечить и оградить самое его существованіе. Консерватизмъ есть живая, великая сила, когда онъ чувствуется въ глубокихъ корняхъ жизни, а не въ поверхностныхъ явленіяхъ, когда онъ относится къ существованію зиждительныхъ началъ человѣческой жизни, а не къ формамъ въ которыхъ они являются. Формы дороги для него только въ той мѣрѣ, въ какой еще чувствуется въ нихъ жизненное присутствіе начала; онъ дороги для него пока съ ними тѣсно связано существованіе живущаго въ нихъ начала. Вотъ проба истиннаго консерватизма: почувствуетъ ли онъ гдѣ и въ какой мѣрѣ погасло жизненное дѣйствіе хранимаго начала, и гдѣ мертвые остатки обращаются во вредъ ему, удерживая его въ ложномъ и опасномъ положеніи? узнаетъ ли онъ то же начало въ новой принятой имъ формѣ, въ новомъ образѣ дѣйствія? Понятны разныя постороннія побужденія, — привычка или корысть, которыя могутъ привязывать людей къ отжившимъ условіямъ быта, но дѣло не въ отдѣльныхъ людяхъ, а въ сущности направленія. Чуткій, понимающій себя консерватизмъ не врагъ прогресса, нововведеній и реформъ; напротивъ, онъ самъ вызываетъ ихъ въ интересѣ своего дѣла, въ интересѣ храненія, въ пользу тѣхъ началъ которыхъ существованіе для него дорого; но онъ съ инстинктивною заботливостью слѣдитъ за процессомъ переработки, опасаясь чтобы въ ней не утратилось чего-либо существеннаго. Его, очень естественно, болѣе заботитъ сохраненіе этихъ существенныхъ началъ нежели конечный результатъ процесса. Истинно-охранительное направленіе въ сущности дѣйствуетъ заодно съ истинно-прогрессивнымъ; но у каждаго есть своя опредѣленная функція въ одномъ общемъ дѣлѣ, и въ своихъ частныхъ проявленіяхъ они непрерывно могутъ расходиться и сталкиваться.

„Плохіе тѣ консерваторы которыя имѣютъ своимъ лозунгомъ *statu quo* какъ бы ни было оно гнило, которыя держатся господствующихъ формъ и очень охотно мѣняютъ начала. Для такихъ все равно какое бы ни образовалось по-

ложеніе дѣль, для нихъ все равно какая бы комбинація ни вступила въ силу; имъ важно только знать на которой сторонѣ власть. Они презрительно относятся къ прошедшему и цинически смотрятъ на будущее. Нынче они посвящаютъ свои охранительныя услуги монархіи, завтра они явятся такими же ревностными хранителями въ республикѣ и вслѣдъ затѣмъ поступятъ на службу къ диктатору. Они слѣдятъ только за переходами власти. Имъ все равно, утратится или не утратится то или другое начало въ организаціи общественной жизни; имъ нужно только чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь образовалась власть, вокругъ которой они всегда съ поспѣшностію сгруппируются, не спрашивая болѣе ни о чемъ. Они равнодушны къ интересу свободы который составляетъ душу добраго консерватизма; они готовые поклонники всякаго успѣха, всякой торжествующей формы. Ихъ инстинктивный порывъ влечетъ ихъ не туда гдѣ чувствуется нарушение равновѣсія, гдѣ дѣйствующее начало подвергается опасности и теряетъ силу; напротивъ, ихъ тянетъ въ ту сторону гдѣ оказывается преобладаніе. Они всегда рады оказать помощь торжествующей силѣ которая въ помощи не нуждается. Если они иногда колеблются, не рѣшаясь пойти въ ту или другую сторону, то это значитъ что они сомнѣваются въ побѣдѣ и не увѣрены на которой сторонѣ окажется перевѣсъ. Такіе консерваторы, сознательно или безсознательно, дѣйствуютъ заодно со лже-прогрессистами и, какъ говорятъ Нѣмцы, работаютъ другъ другу въ руки.“

ХІІ.

Такъ писалъ М. Н. Катковъ въ 1862 году, за годъ до начала своей великой публицистической и, какъ мы видѣли, государственной дѣятельности въ качествѣ редактора *Московскихъ Вѣдомостей*. Дѣятельность эта продолжалась затѣмъ цѣлую четверть вѣка, въ теченіе которой великій патріотъ оставался вѣрнымъ тому взгляду на свое призваніе который онъ изложилъ въ только-что приведенной политической программѣ. Онъ не былъ ни консерваторомъ, ни либераломъ въ узкомъ, „присяжномъ“, смыслѣ этихъ словъ, онъ все время сохранялъ свою полную индивидуальную свободу,

не завися ни отъ правительственныхъ лицъ, ни отъ партійныхъ интересовъ, а посвящая всю свою жизнь, всѣ свои силы, весь свой свѣтлый умъ и глубокое образованіе, всѣ свои гениальныя дарованія одному лишь благу православной, самодержавной Россіи.

Онъ стоялъ одинокимъ среди враждовавшихъ партій и искалъ, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ той же статьи, „рѣшенія вопросовъ не въ интересахъ какого-либо особаго направленія, не въ видахъ какой-либо отдѣльной партіи, а въ общемъ интересѣ дѣла, согласно съ его сущностью и его естественнымъ положеніемъ въ системѣ того цѣлаго“ къ которому онъ принадлежалъ. Онъ „не служилъ органомъ тому или другому изъ противоположныхъ направленій, какъ бы ни были они почтенны“; онъ „не отдавалъ себя на службу тому или другому изъ спорящихъ между собой стремленій, правъ или даже истинъ“; онъ лишь „имѣлъ въ виду то что каждому праву даетъ характеръ и силу права, то что каждой особой истинѣ сообщаетъ значеніе истины, то что въ каждомъ направленіи составляетъ его дѣйствительную основу, часто не сознаваемую, его истинный интересъ, часто затемняемый недоразумѣніями, стремленіями и обстоятельствами. *Если это партія, то это партія внѣ всякихъ партій.*“

Такою именно „партіей внѣ всякихъ партій“ являлся Катковъ одиноко стоявшій въ теченіе всей своей жизни и оказавшійся, несмотря на это, или скорѣе именно вслѣдствіе этого, сильнѣе всѣхъ окружавшихъ его партій. Его убѣжденія восторжествовали дважды въ самые критическіе моменты существованія Россіи во вторую половину нашего столѣтія: въ 1863 и въ 1881 году.

За это да будетъ ему честь, слава и вѣчная добрая память!

В. Грингмутъ.

